

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2022.2.15

Политика противодействия коррупции в России в контексте новых реалий: актуальные проблемы теории и практики

Р. Т. МУХАЕВ

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Цель статьи — выявить новые тенденции в механизме воспроизводства традиционных коррупционных практик, а также причины появления новых форм преступлений коррупционной направленности для формирования оптимальных моделей противодействия коррупции. Для этого в статье рассмотрены универсальные и локальные факторы, расширяющие ареал распространения коррупционных практик и превращающие коррупцию в главную угрозу устойчивого развития общества. Дан анализ концепта «коррупция», состояния теории коррупции, ее проблемных комплексов, предложена междисциплинарная матрица анализа. Выявлены структура и ареал преступлений коррупционной направленности в России, рассмотрен механизм воспроизводства коррупционных практик, причины появления новых составов коррупционных преступлений, предложены рекомендации по повышению эффективности политики антикоррупционного противодействия. Доказано, что главным фактором в механизме воспроизводства коррупции в России является амбивалентность сознания как форма мировосприятия коррупции, одновременно сочетающая неприятие и ее моральное оправдание. Это требует междисциплинарной рефлексии данного феномена в науке, а в правоприменительной практике — преодоления благодушного отношения населения к коррупции, формирования у него установки нулевой терпимости к ее проявлениям.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные практики; демократия; устойчивое развитие; индекс восприятия коррупции; коррупционные риски; политика противодействия коррупции

ВВЕДЕНИЕ

Латинский термин *corruptere* («портить», «расстраивать дела», «расточать состояние», «подкупать кого-либо») был введен в обиход в Древнем Риме в VIII в. до н. э. для обозначения социальных отношений, в основе которых лежит подкуп должностных лиц и использование ими публичных властных полномочий в целях личной выгоды. По мере становления национальных государств и гражданского общества коррупция поражает не только сферу государственно-властного регулирования, но и частную сферу жизни: экономику, некоммерческие объединения, взаимодействия граждан с органами власти. Возникнув в сфере властного регулирова-

ния и распределения ресурсов, коррупция деформирует всю систему общественных отношений. Как отмечается в преамбуле Конвенции ООН против коррупции, она «подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку»¹. В условиях глобализации коррупция перестала быть локальной проблемой отдельных государств и превратилась в транснациональную угрозу, которая поражает экономику и общество всех стран, нанося им колоссальный ущерб. По данным ООН, общий объем взяток на планете в 2017 г. составлял 1 трлн долл., а экономические потери от коррупции оценены в 2,6 трлн долл., сумму, эквивалентную 5% мирового ВВП (ООН назвала ... : Электронный ресурс). Коррупция блокирует всесторонне развитие человеческого потенциала, который заявлен в качестве главной цели концепции устойчивого развития ООН (2015–2030 гг.). Для ее достижения необходимы рост благосостояния, высокий уровень занятости, повышение качества образования и здравоохранения, борьба с бедностью, с изменениями климата, ответственное потребление, гендерное равенство, мир, правосудие и эффективные институты². Будучи каналом латентного перераспределения ресурсов, коррупция перенаправляет средства, предназначенные для решения этих масштабных и жизненно важных задач, в руки криминала и бесчестных чиновников.

Несмотря на усилия, предпринимаемые государствами по минимизации деструктивного воздействия коррупции на различные сферы жизни общества, Transparency International отмечает отсутствие прогресса в противодействии коррупции в большинстве стран мира за последние 10 лет начиная с 2012 г. Согласно Индексу восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI)³, присваиваемому разным странам международной организацией Transparency International, лидерами рейтинга ИВК в 2021 г. стали Дания, Новая Зеландия, Финляндия. Они получили по 88 баллов (из 100) и разделили первое место в ИВК-2021. Более двух третей (68%) обследованных стран набрали менее 50 баллов. Состав «закрывающей» тройки рейтинга не изменился с 2020 г.: ими остались Южный Судан (11 баллов), Сирия и Сомали (по 13 баллов). По оценке Transparency International, за период с 2012–2022 гг. по причине слабой реализации действенных мер по установлению реального контроля над коррупцией не добилась существенного прогресса 131 страна. Для 27 стран показатель ИВК достиг исторического минимума. Среди стран, результаты которых не изменились по сравнению с ИВК-2020, оказались США с рекордно низким значением индекса страны в ИВК с 2012 г. — 67 баллов (Corruption Perception Index ... : Электронный ресурс).

Следует заметить, что политика противодействия коррупции, проводимая Президентом РФ В. В. Путиным, носит системный характер, опирается на продвинутое законодательство. Тем не менее Россия пока остается страной с высоким уровнем коррупции. За последние 10 лет позиция России в рейтинге Transparency International не изменилась. Если в 2020 г. он составлял 30 баллов из 100 (129-е место из 180), то в 2021 г. — 29 баллов и 136-е место в рейтинге (там же). Расцвет коррупции в России связан с процессами рыночных реформ 90-х гг. XX в., когда она поразила многие сферы жизни государства и общества, произошло сращивание собственности и власти в руках элиты и чиновников. Преодолеть последствия этой хаотичной модернизации оказалось делом непростым. Современная ситуация усугубляется одновременным решением комплекса задач: реализация амбициозной «стратегии прорыва» Президента РФ В. В. Путина, включающей 13 национальных

проектов; преодоление последствий пандемии COVID-19 (2019–2022 гг.); нейтрализация режима западных санкций, введенных против России с 2014 г. после вхождения Крыма в состав Российской Федерации. В этих условиях эффективная политика противодействия коррупции становится ключевым фактором вывода страны на траекторию устойчивого и суверенного развития. К сожалению, санкционный режим западных стран не оказал заметного мобилизующего влияния на сознание правящей элиты и населения, не купировал процесс возникновения новых коррупционных практик, сохранив при этом большой объем традиционных форм коррупционных проявлений.

Будучи главным национальным приоритетом, политика противодействия коррупции в России должна быть направлена на формирование эффективных моделей антикоррупционного противодействия в конкретных сферах жизни общества. Она должна строиться с учетом новых реалий: цифровизации экономических отношений; режима западных санкций, необходимости систематизации всего антикоррупционного законодательства, ликвидации правовых пробелов и неуклонной реализации принципа неотвратимости наказания. При этом решающим фактором нуллификации коррупции является перестройка сознания: преодоление амбивалентности восприятия и отношения к коррупции со стороны общества, которое порождает ее моральное оправдание как у элит, так и у масс.

КОРРУПЦИЯ: ДИСКУРС КОНЦЕПТА И ПРОБЛЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Несмотря на продвинутость науки в понимании причин и механизма воспроизводства коррупции, накопленный потенциал, интерес к данному феномену не спадает и сегодня. Это обусловлено живучестью коррупции, ее способностью к адаптации в новых реалиях, трансформацией форм ее проявления. Заметно расширилась география изучения коррупции: если ранее это были главным образом экономически развитые страны, то теперь — развивающиеся страны. Более разнообразным стал и набор проблемных комплексов, на осмысление которых направлено внимание исследователей.

В фокусе внимания современных исследователей коррупции оказываются как традиционные вопросы (причины, формы коррупционных проявлений, механизм противодействия им), так и новые компоненты коррупционных практик (гендерные и ментальные факторы воспроизводства коррупции, социальные деформации, культурные практики коррупционных проявлений в незападных культурах).

Тема коррупции оставалась в фокусе внимания западных авторов начиная с 70-х гг. XX в. На основе их рекомендаций совершенствовалась политика противодействия коррупции в этих странах. Но мировая тенденция состоит в том, что темпы и ареал распространения коррупционных практик в мире не сокращаются, что ставит вопрос о переосмыслении концептуальных основ ее анализа в новых условиях. Возврат к анализу природы коррупции обусловлен стремлением понять, как изменяется природа коррупции с течением времени, есть ли в этом процессе какие-то закономерности. Следует отметить особое внимание авторов к поискам механизма воспроизводства и распространения коррупционных практик, который не сводится к порочной природе человека, его алчности и корысти, а обусловлен различными контекстами этого сложного явления. В различных типах обществ существует свой механизм воспроизводства, а потому вывести универсальную фор-

муду возникновения и воспроизводства коррупционных практик крайне сложно, хотя бы потому, что комбинация условий, факторов, причин, порождающих коррупцию, вариативна от страны к стране. Ареал распространения условий и причин, порождающих коррупцию, их вариативность от страны к стране позволяют выделить *универсальные* (действующие во всех странах) и *локальные* (действующие в отдельных странах) факторы.

В значительной мере процесс воспроизводства коррупции в конкретном обществе, отношение к ней населения обусловлены рядом факторов: 1) тип общества (западное или восточное; традиционное или гражданское); 2) культурный код общества (набор ценностей (справедливость, порядок, свобода или равенство, права человека или коллектива и т. д.) и общепринятые модели поведения); 3) дисфункция или эффективность легальных социальных институтов; 4) специализация управленческих ролей и функций внутри государства (их разделение или слияние); 5) политический режим — демократический или авторитарный; 6) доминирующая идеология или религия; 7) модели распределения общественного блага (коллективистская или индивидуалистская); 8) этические нормы и др. Названные факторы в разной мере влияют на процесс воспроизводства и распространения коррупционных практик в различных странах. Именно комбинация этих факторов определяет национальный механизм воспроизводства коррупции в разных странах.

Основным прикладным направлением исследований коррупции является поиск ответа на вопрос: «Почему политика противодействия коррупции большинства национальных государств не приносит реальных успехов?» Для ответа на этот вопрос важно понимать, что уровень эффективности политики противодействия коррупции напрямую зависит от того, насколько релевантны наши представления о ее природе, причинах возникновения и формах проявления. Несмотря на возросшее внимание ученых и практиков к анализу коррупции и растущее число исследований о ней, феномен коррупции, на наш взгляд, остается слабо осмысленным.

В-первых, одна из причин такого положения обусловлена многофакторной природой коррупции, которая выступает не только юридической, но и одновременно экономической, социологической, философской, исторической, культурологической и психологической проблемой. Это обстоятельство придает знанию о коррупции ярко выраженный междисциплинарный характер. Однако его негативным следствием является эклектика: знания о природе коррупции принадлежат разным отраслям науки, которые акцентируют внимание на отдельных сторонах данного феномена.

Во-вторых, крайне сложно получить достоверную информацию о коррупции в силу ее многофакторной природы и латентных форм проявления. К тому же общественное восприятие коррупции двойственно: с одной стороны, оно формируется под влиянием современных массмедиа, которые сообщают о ней в форме скандалов, а с другой стороны, складывается в результате собственного участия в коррупционных сделках, о котором люди склонны умалчивать.

В-третьих, общее понимание коррупции чувствительно к национально-культурному контексту, в котором всегда присутствуют мифы, стереотипы, заблуждения, искажающие представления о природе коррупции. В этом случае в науке не вполне верифицирован сам объект анализа: что перед нами — коррупция как явление, представления о ней или политика противодействия коррупции?

Если задаться вопросом о том, что понимается под термином «коррупция», какова ее природа, то окажется, что понятие «коррупция» до сих пор не имеет точного определения. В Конвенции ООН против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г., понятие «коррупция» раскрывается через перечень коррупционных деяний, таких как подкуп национальных публичных должностных лиц; подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением⁴. В ней коррупция трактуется как система неформальных коммуникаций, основанных на подкупе должностных лиц, кумовстве, благодарности, покровительстве. Всемирный банк в «Декларации о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях» (1997 г.) под коррупцией понимает «злоупотребление государственной властью ради личной выгоды (Helping Countries ... : Электронный ресурс). Наиболее цитируемое определение коррупции в науке принадлежит С. Роуз-Аккерман, в котором «коррупция — это злоупотребление государственной властью ради извлечения личной выгоды» (Роуз-Аккерман, 2003: 120).

Следует заметить, что в науке отсутствует однозначное понимание причин коррупции. Отчасти это связано с нарастающим социальным и культурным разнообразием, вызванным информационными и технологическими сдвигами, которые формируют новую структуру потребностей, для удовлетворения которых индивиды прибегают к использованию коррупционных схем. Возникает вопрос о том, является ли коррупция следствием нарастающих дисфункций в деятельности экономической и политической систем общества, не способных релевантно ответить на эти запросы, или сама коррупция является причиной этих дисфункций? Универсальную формулу причинности коррупции предложил Р. Клитгаард: $K = M + D - P$. Согласно ей, коррупция (К) является следствием монопольной власти (М) и свободы действий (Д) чиновников и отсутствия их подотчетности (П). Коррупция появляется там и тогда, где и когда субъект, обладая монопольной властью над товарами или услугами, имеет свободу в решении вопросов распределения товаров и услуг, при этом над ним не существует режима подотчетности (Klitgaard, Maclean-Abaroa, Parris, 2000: 26). При этом данная формула порождает различные последствия в развитых и развивающихся странах на уровнях публичного управления: политическом, административном, муниципальном.

На наш взгляд, комплексно исследовать столь сложный феномен, как коррупция, формы проявления которой носят преимущественно латентный характер, возможно на основе мультипарадигмального подхода, который включает набор как общих познавательных принципов, так и прикладных методов (наблюдение, интервью, опросы, анализ статистики и т. д.). Мультипликация методов, заимствованных из разных наук, вместе с использованием стратегий сравнительного анализа позволяет более точно описать природу, причины и формы коррупционных практик в XXI в. в разных странах.

Как тип социальных взаимодействий коррупция выступает одновременно в трех формах: события, отношения, института. Как *социальный феномен* коррупция возникает в обществе, является латентной формой коммуникации между людьми, преследующими свои повседневные интересы и стремящимися к получе-

нию личной выгоды с использованием властного и служебного положения. Отношения зависимости (патрон — клиент), лежащие в основе коррупции, в противоположность легальным практикам формируют латентную социальную реальность со «своими правилами» принятия решений и распределения «общественного блага», которая противостоит нормативно-легальной. Как *социальные отношения* коррупция представляет собой устойчивые связи, субъектами которых выступают люди с их намерениями, мыслями, чувствами, действиями, отношениями, а объектами — ресурсы, статусы, репутации, позиции — то, по поводу чего они взаимодействуют. Перераспределяя материальные блага и иные ценности в пользу небольшой группы, коррупция нарушает принцип справедливости и формального равенства фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, создает угрозу конституционному строю общества. Как неформальный *социальный институт* коррупция является набором девиантных норм и практик, в которых закрепляются устойчивые модели поведения людей, направленные на использование служебного, статусного, властного положения, посредством которых люди получают незаслуженные преференции. Таким образом, на наш взгляд, под коррупцией следует понимать набор девиантных практик незаконного использования должностным лицом своих властных полномочий и служебного положения в целях получения выгоды в виде денег, ценностей и иного имущества, имущественных прав для себя или третьих лиц. Коррупция как набор опривыченных действий включает в себя способы криминального восприятия реальности, оценку ее в терминах извлечения личной выгоды и антиобщественные модели поведения участия в распределении общего блага.

Не до конца прояснен вопрос о природе и причинах коррупции. Одни авторы рассматривают коррупцию как следствие дисфункции экономической и политической системы, которая создает питательную почву для процветания коррупции (Роуз-Аккерман, 2003). Другие ученые трактуют коррупцию как явление, имманентно присуще всем системам власти, только в разной мере. Более того, ряд авторов указывают на позитивную роль коррупции выступать в качестве «смазки» для стимулирования бизнес-процессов и сокращения бюрократических барьеров (Каг, 2015: 358). Мировая практика показывает, что коррупция не может выступать «благотворным» фактором развития общества. Ее разрушительные последствия как в частной, так и публичной сфере одинаково деструктивны и не могут быть морально оправданными. В первом случае частные игроки покупают себе влияние у государственных служащих, во втором — чиновники извлекают ренту из частных лиц благодаря своему статусу. В разных обществах коррупционные практики распространены либо на политическом, либо на административном уровне власти, что порождает разный масштаб разрушительных последствий и различия их проявления от страны к стране.

МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Механизм воспроизводства коррупционных практик в России составляет набор объективных и субъективных факторов, создающий возможности для злоупотребления государственной властью ради личной выгоды. От других стран механизм воспроизводства коррупции в России отличает комбинация этих факторов, а также масштаб и сферы распространения коррупции, формы коррупционных проявлений, характер восприятия и отношения населения к коррупции.

Институциональным механизмом воспроизводства коррупции в России выступает сфера государственно-властного регулирования общественных отношений в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти, призванных согласовывать разнородные интересы и реализовывать общезначимые потребности. С этой целью каждая ветвь власти наделена полномочиями и ресурсами. В руках парламента находится законодательный ресурс, который заключается в разработке и принятии законов в интересах общества, правящей политической и бизнес-элиты. Законы определяют принципы и процедуры распределения «общественных благ» (ресурсы, права, свободы, статусы). Наиболее широкий набор возможностей включает в себя административный ресурс, который находится в руках правительства. Кроме этого, оно обладает силовым ресурсом правоохранительных органов, специальных служб; *регулятивным* ресурсом (правом на издание подзаконных актов и принятие управленческих решений в интересах тех или иных групп); финансовым ресурсом (средствами бюджетов разных уровней власти, которые могут направляться на нужды общества или отражать запросы политических партий и бизнес-групп. Контроль за их исполнением осуществляют суд и правоохранительные органы). Таким образом, система государственной власти и управления на всех уровнях представлена иерархией должностных лиц, которые по своему усмотрению могут реализовывать предписанные им властные полномочия. В этом случае происходит злоупотребление властными ресурсами со стороны должностного лица. Причиной роста преступлений коррупционной направленности выступает масштабная капитализация власти — ситуация, при которой должностное лицо, обладая дискреционной властью (полномочиями по распределению ресурсов, не принадлежащих ему), использует ее в целях личной выгоды. Как следствие, в 2020 г. наибольший процент преступлений коррупционной направленности — 32,8% (7462) приходился на сферы государственного управления, обеспечения военной безопасности, обязательного социального обеспечения. Кроме того, 19,9% (4521) составляли преступления в сфере деятельности по обеспечению общественного порядка и безопасности, 14,1% (3217) — образования, 8% (1823) — здравоохранения, 5,4% (1221) — финансовой деятельности, 5,1% (1160) — строительства, 4,9% (1106) — транспорта (Генеральный прокурор указал ... : Электронный ресурс).

В механизме воспроизводства коррупции в России существенную роль играет поведенческий фактор, который проявляется в рентоориентированном поведении российских элиты/чиновников, стремящихся максимизировать свою прибыль. Оно обусловлено их монопольным правом на принятие управленческих решений (Роуз-Аккерман, 2003). Право на принятие решения по собственному усмотрению сопряжено с низким качеством политической и административной элиты, ее алчностью, корыстными интересами личного обогащения. Инвестиции во власть, по ее мнению, являются самым надежным и прибыльным вложением средств, которые не только быстро окупаются, но и дают гарантии личной неприкосновенности. Инвестиции во власть превратились в одну из главных проблем, остро стоящих сегодня перед всеми странами мира. Не случайно фигурантами коррупционных дел в России чаще всего становятся лица, обладающие особым правовым статусом. В 2020 г. почти 11 тыс. должностных лиц были уличены в коррупции, почти треть из них — сотрудники правоохранительных органов и системы Минобороны. Из 10 879 должностных лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, 17,4%

занимали должности в правоохранительных органах (1897), 12,3% — в системе Минобороны России (1337), 8,9% — в органах исполнительной власти всех уровней, включая муниципальный (964), 0,6% — в органах законодательной власти всех уровней (70). Кроме того, в 2020 г. была пресечена преступная деятельность 27 чиновников, замещавших государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов РФ, 68 руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, 61 члена правительств субъектов РФ и руководителей региональных министерств, 59 глав муниципальных образований, 10 высших офицеров Вооруженных сил и Федеральной службы войск национальной гвардии, 22 руководителей территориальных подразделений правоохранительных органов (Генеральный прокурор указал ... : Электронный ресурс).

Следствием этого является низкая эффективность государственной антикоррупционной политики и мероприятий по противодействию коррупции, несмотря на то что тема коррупции находится в «повестке дня» правящей элиты. Понимание важности решения данной проблемы выражено в новом Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента РФ В. В. Путина от 16 августа 2021 г. Этот Национальный план включает 16 направлений, многие поручения в котором направлены на восполнение существующих правовых пробелов, выявленных в ходе правоприменительной практики предшествующих лет.

Накопленный опыт в противодействии коррупции в последние годы дал результаты в виде резонансных арестов и приговоров крупных чиновников федерального и регионального уровней, обвиняемых во взяточничестве. В 2021 г., согласно данным МВД России, зарегистрировано более 18 тыс. 590 преступлений, связанных со взяточничеством, что на 27,8% больше, чем в 2020 г. Из них свыше 5 тыс. преступлений приходится на факты получения взятки, почти 4,5 тыс. — на дачу взятки, более 2 тыс. — посредничество. На мелкое взяточничество (до 10 тыс. руб.) приходится более 7 тыс. преступлений. По сравнению с аналогичным периодом 2019 г. это больше на 20,3, 23,3, 40,7 и 33,3% соответственно. Всего в России в 2021 г. зарегистрировано более 35 тыс. преступлений коррупционной направленности, что почти на 14% больше, чем в 2020 г. (там же).

Борьба с коррупцией в формате «кампаний» или избирательных реакций власти на публикации в СМИ породила устойчивое неверие населения в успех борьбы с коррупцией на государственном уровне. Согласно результатам мониторингового исследования ВЦИОМ об уровне коррупции в обществе в 2018 г., 47% россиян считают, что громкие коррупционные дела являют собой лишь показательные акции или сведение счетов, и только 42% воспринимают их как свидетельство реального противодействия коррупции (Коррупция в России ... : Электронный ресурс). Сами граждане стремятся замалчивать факты коррупции, предпочитая решать с ее помощью свои проблемы. Мониторинговые исследования ВЦИОМ за период 2016–2018 гг. позволяют составить рейтинг наиболее коррумпированных, по оценкам респондентов, сфер: традиционно первое место занимает медицина (23%), ГИБДД и полиция (16%), сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%) (там же).

Ментальным фактором механизма воспроизводства коррупции в России является лояльное и благодушное отношение большинства населения к коррупции. Ам-

бивалентное сознание общества отчасти является следствием хаотичного перехода от социализма к рынку и демократии. Амбивалентность сознания как форма мировосприятия коррупции сочетает в себе полярные представления о природе и ее последствиях по принципу: «коррупция аморальна, но вполне допустима в обществе потребления, где каждый решает свои проблемы, как умеет». В отличие от многих развитых стран в мировоззрении правящей элиты и рядовых граждан России за 30 лет демократического развития не произошло осознания того факта, что коррупция — это глобальная болезнь, которая поразила не только систему государственного и муниципального управления, но и многие сферы частной жизни. Более того, установка нулевой терпимости коррупции в российском обществе пока не сформирована и не перешла в привычку эффективного противодействия ей. Об этом говорят данные исследования отношения населения к коррупции, проводимые Левада-центром с 2003 по 2018 г. Пик обеспокоенности россиян уровнем коррупции достиг максимума в 2018 г. и составил 38% опрошенных, которые назвали эту проблему наиболее острой, остальные — не считают ее таковой. По значимости в перечне актуальных проблем коррупция заняла третье место (Коррупция в высших эшелонах ... : Электронный ресурс).

Информационным фактором механизма воспроизводства коррупции является господство в массовом сознании упрощенных представлений о природе коррупции, ее деструктивной роли и последствиях для личности и общества. Отчасти это связано с тем, что коррупция как социальный феномен преимущественно латентна: большинство коррупционных проявлений скрыты от официального учета. Наряду с очевидными характеристиками коррупционных отношений, выраженными вовне, коррупция отражает более глубинные процессы коррозии экономической, политической системы, общественной морали, которые прямо не наблюдаемы. Обычно о проявлениях и об уровне коррупции в стране население узнает через средства массовой информации — телевидение или печатные издания, особую популярность сегодня и наиболее широкую целевую аудиторию приобрели Интернет и социальные сети. Под влиянием СМИ происходит формирование отношения общества к коррупции. В условиях рынка для СМИ тема коррупции является наиболее «продаваемой»: на фоне низкого уровня жизни она отвлекает население от повседневных проблем, выступает «каналом» выхода социального негодования. Освещая разные случаи проявления коррупции (взятки, злоупотребление служебным положением, мошенничество), СМИ формируют бытовое представление о коррупции, которое отождествляет коррупцию с взяточничеством и мошенничеством. Хотя следует заметить, что именно под влиянием СМИ чаще всего Следственный комитет РФ возбуждает уголовные дела. В массовом сознании коррупция воспринимается предельно упрощенно, как двусторонний процесс возмездного обмена, в котором *клиент* — дает, а *патрон* — берет, один просит об услуге — другой соглашается ее оказать. Акцент внимания на процессе передачи чего-то или согласия с чем-либо затушевывает смысл коррупции. Однако сущность коррупции состоит в получении преференций (преимуществ) как в частной сфере (экономических отношениях), так и в политике, государственном управлении. Заметим, что и на *экспертном* уровне все многообразие коррупционных проявлений нередко так же сводится к взяточничеству. Более того, в российском обществе произошло массовое опривычивание коррупционных практик в качестве неформального социального института.

*НОВЫЕ ФОРМЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК
И ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ*

Несмотря на наличие продвинутого антикоррупционного законодательства в современной России и конкретные шаги правительства по реализации шести Национальных планов по противодействию коррупции начиная с 2008 г., взять коррупцию под контроль не удалось. Нельзя выделить какую-то одну главную причину неэффективности государственной антикоррупционной политики России. Скорее, это комплекс объективных и субъективных факторов, составляющих механизм воспроизводства коррупционных практик, действие которых не удалось купировать и нейтрализовать, несмотря на значительную работу, проводимую со стороны правоохранительных органов. Все Национальные планы по противодействию коррупции выстраивались по принципу дополнения: каждый последующий план принимался на основе анализа результатов, достигнутых предыдущим.

Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478, рассчитан на четыре года и включает перечень мероприятий по предупреждению и противодействию коррупции, минимизации и ликвидации ее последствий, которые распределены по 16 направлениям. Главный вектор седьмого Национального плана противодействия коррупции составляет совершенствование системы антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей (антикоррупционного комплаенса). В этом контексте актуальным является соотнесение поставленных задач и реального состояния и тенденций развития коррупции в России. В связи с этим можно выделить несколько тенденций в развитии форм проявления коррупции и возможные реакции на них правоохранительных органов за последние 10 лет.

Во-первых, специфика преступлений коррупционной направленности в России проявляется как по составам, так и по масштабам и субъектам. По данным Следственного комитета РФ, за период с 2011 по 2021 г. количество уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности по *составам* преступлений, направленных в суд, составило: дача взятки (ст. 291 УК РФ) — 31 173 (31,9%), получение взятки (ст. 290 УК РФ) — 17 022 (17,04%), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) — 7,344 (7,5%), мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ) — 16 071 (16,4%), присвоение или растрата (ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ) — 7197 (7,4%), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) — 3540 (3,6%), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) — 3396 (3,5%), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) — 4637 (4,7%), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) — 3375 (3,5%), прочие преступления — 4064 (4,2%) (Александр Бастрыкин ... : Электронный ресурс).

Масштабы и ареал распространения коррупционных практик сохраняют тенденцию роста. Так, в 2021 г. Следственный комитет РФ направил в суд 9250 уголовных дел по коррупционной направленности. По сравнению с 2020 г. рост составил 7%. В общем количестве дел коррупционной направленности преобладают дела о следующих преступлениях: дача взятки (ст. 291 УК РФ) — 2324, получение взятки (ст. 290 УК РФ) — 1543, мелкое взяточничество (ст. 291 УК РФ) — 1448, мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ) — 1386, присвоение или растрата (ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ) — 605 (там же).

Негативной тенденцией является статистика по сферам деятельности, в которых были совершены преступления коррупционной направленности, дела по которым направлены в суд: правоохранительная деятельность — 4268 (41,6%); исполне-

ние воинской обязанности и воинской службы — 1340 (13%); финансовая деятельность — 808 (7,9%), в том числе бюджетная сфера — 377 (3,7%); образование и наука — 789 (7,7%); здравоохранение и социальное обеспечение — 529 (5,2%); эксплуатация транспорта, перевозка грузов и пассажиров — 424 (4,1%); организация торговли, питания, обслуживания и оказания услуг населению — 302 (2,9%); строительство, обеспечение жильем, проектирование зданий и сооружений — 302 (2,9%); жилищно-коммунальное хозяйство — 235 (2,3%); совершение операций с недвижимым имуществом — 208 (2%) (там же).

Во-вторых, тревожным сигналом является устойчивый рост числа лиц, обладающих особым правовым статусом, совершивших преступления коррупционной направленности. За период 2011–2021 гг. из 66 542 должностных лиц, дела которых направлены в суд по уголовным делам, их число составило 6261. Только за 2021 г. за совершение преступлений коррупционной направленности привлечено к уголовной ответственности 429 лиц с особым правовым статусом. Из них 1 член Совета Федерации, 13 депутатов законодательных собраний субъектов РФ, 7 руководителей и 11 следователей органов предварительного следствия в системе МВД РФ, 5 руководителей и 9 следователей СК РФ, 16 прокуроров и 5 помощников прокуроров, 105 депутатов органов местного самоуправления, 104 выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 57 членов избирательных комиссий, 60 адвокатов, 11 судей (Без оглядки на статус: Электронный ресурс). Это позволяет утверждать, что в России массово распространены как административная коррупция, включающая низовую и деловую, так и практически все виды политической коррупции в зависимости от уровня власти. Маркетизация различных сфер современного российского общества вызвала к жизни новые формы коррупционных практик. Классическая взятка сегодня уже считается архаикой. Коррупция приобрела формы офшорных транзакций и операций с криптовалютами, конфликта интересов и трудоустройства родственников в прибыльные коммерческие структуры.

В-третьих, современным трендом в сфере новых проявлений коррупции является цифровизация. Понимание природы этого феномена требует формирования серьезных доктринальных наработок. Это обусловлено тем, что коррупционные преступления, совершенные с применением цифровых технологий, имеют высокую степень латентности ввиду специфики предмета преступного посягательства и отсутствия актуальной нормативной базы. В условиях глобализации преступления коррупционной направленности, совершенные с применением цифровых технологий, представляют все большую потенциальную опасность. По данным Следственного комитета РФ, к противоправным деяниям коррупционной направленности, совершенным с применением цифровых технологий, относятся такие составы: ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ); нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ); блок преступлений, связанных со взяточничеством (ст. 290–291.2 УК РФ); коммерческий подкуп (ст. 204–204.2 УК РФ). Их доля от общего числа преступлений, совершенных в 2021 г. (21 435), составила 61% преступлений (или 13 158) (Бастрыкин назвал ущерб ... : Электронный ресурс). В целях выявления новых форм проявления коррупции, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права, цифровая валюта, а также внедрения эффективных механизмов противодействия им в Следственном комитете РФ проводится работа по поиску оптимальных вариантов развития следствия. Так,

в центральном аппарате Следственного комитета созданы и функционируют специализированные следственные подразделения по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий, а также подразделение компьютерно-технических и инженерно-технических исследований, сотрудники которых осуществляют предварительное следствие и производство экспертиз по таким делам.

В-четвертых, среди новых коррупционнoемких схем и практик можно выделить следующие формы: поступление средств в бюджет и управление ими; коррупционные сделки с государственным заказом и с контрактной системой в целом; вывод средств через государственные компании за рубеж в офшоры; нецелевое использование бюджетных средств в дорожном строительстве и ЖКХ. Так, согласно результатам анонимного опроса компаний, участвующих в системе государственных закупок, проведенного НИУ ВШЭ с целью выявления уровня коррупции при государственных закупках в Российской Федерации, оказалось, что с коррупцией при прохождении конкурсных процедур сталкивались 71% поставщиков. В среднем размер отката в коррупционной схеме составляет 22,5% от всей суммы госконтракта, а общий объем взяток в сфере государственных закупок оценивается почти в 6,6 трлн руб. Для сравнения: 6,6 трлн — это 6,2% ВВП России (107 трлн руб. за 2020 г.), или 35,3% от доходной части федерального бюджета (18,7 трлн руб.). Оказалось, что объемы коррупционных выплат в закупках выше, чем расходы консолидированного бюджета на образование или здравоохранение. Авторы исследования опросили более 1,2 тыс. представителей компаний, вовлеченных в конкурсные процедуры, из разных регионов страны и ручаются за их осведомленность о процедуре госзакупок. В выборке 53% респондентов — из микропредприятий, 34% — из малого бизнеса, 6% — из среднего и около 7% — из крупного (Эксперты оценили ... : Электронный ресурс).

В-пятых, стали массовыми формы проявления политической коррупции с использованием служебного положения депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, региональным депутатским корпусом, главами регионов и муниципальных образований. По данным Следственного комитета РФ, только в 2021 г. привлечены к уголовной ответственности за коррупцию 1 сенатор РФ, 13 депутатов законодательных органов власти субъектов РФ, 105 депутатов органов местного самоуправления, руководители и следователи системы МВД: всего 429 лиц, обладающих особым правовым статусом. Все они были привлечены к уголовной ответственности за «взаимодействие с бизнесом», а не за профессиональную деятельность. В России отсутствует закон о лоббизме, который бы регулировал эту сферу общественных отношений. Вероятно, настало время принять такой закон. Парадокс состоит в том, что одна из главных антикоррупционных мер, указанных в ст. 169. УК РФ («воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности») не работает. За 2021 г. по этой статье было возбуждено четыре уголовных дела, а дошло до суда одно.

В-шестых, среди новых форм коррупции, приобретших значительные масштабы, следует отметить нецелевое использование бюджетных средств. Одной из причин, способствующих распространению данного вида коррупционных практик, отчасти являются пробелы в механизме их правового регулирования, включая отсутствие квалифицирующих признаков деяния. В отчете Счетной палаты РФ за 2017 г. содержатся сведения о предоставлении ООО «Ниармедик Фарма» субсидии в размере 69,84 млн руб. на создание фармацевтической субстанции «Кагоцел», кото-

рая была зарегистрирована 13 августа 2007 г. ООО «Ниармедик Плюс», будучи головной компанией ООО «Ниармедик Фарма». Факт предоставления Министерством промышленности и торговли России субсидии ООО «Ниармедик Фарма» на создание уже разработанной и включенной в Государственный реестр лекарственных средств фармацевтической субстанции может квалифицироваться как форма коррупционных практик (Выступление Алексея Кудрина ... : Электронный ресурс).

В-седьмых, все более распространенными становятся коррупционные преступления в банковской сфере: отмыwanie «грязных денег»; вывод финансовых активов в офшоры; «крышевание» банков со стороны сотрудников специальных служб и др. Одним из резонансных в этой сфере стало дело полковника К. Черкалина, который возглавлял банковский отдел Управления «К» Службы экономической безопасности ФСБ РФ и был хорошо знаком с руководителями всех крупных банков Российской Федерации. Черкалин использовал два главных неформальных способа взаимодействия с банками: 1) процент от обналиченных средств (0,1–0,2% от суммы операции) и 2) фиксированные взятки и откаты за конкретные нарушения. В первом случае в банк из ФСБ командировали офицера в отставке (так называемого подкрышника), которого, как правило, назначали на должность главы службы экономической безопасности банка, что позволяло контролировать все денежные потоки. Во втором случае банковский отдел ФСБ успешно прикрывал претензии к проблемным банкам со стороны ЦБ. За каждый случай сомнительной операции, ведущей к отзыву лицензии, банки платили. К. Черкалину было предъявлено обвинение в получении взяток (ч. 6 ст. 290 УК) на сумму 850 000 долл. «за общее покровительство». Бывшие офицеры банковского отдела ФСБ Д. Фролов и А. Васильев обвиняются в особо крупном мошенничестве (ч. 4 ст. 159 УК).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Достижение реального прогресса в борьбе с коррупцией и укрепления демократических институтов и норм в России возможно на пути системной работы правоохранительных органов и высокой степени вовлеченности в эту борьбу всех институтов гражданского общества. Системным недостатком политики противодействия коррупции в России является разрыв между антикоррупционным законодательством и его практической реализацией. Низкая эффективность правоприменения вызвана не только невысокой квалификацией работников следственных органов, но и ведомственной разобщенностью компетентных органов, призванных противодействовать коррупции.

2. Для эффективного противодействия коррупции, на наш взгляд, необходимо осуществление следующих действенных мер:

а) ввести персональную ответственность (от федеральных органов исполнительной власти: от министров, глав регионов и муниципалитетов, а руководителей государственных корпораций) за реализацию Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного 18 августа 2021 г. В. В. Путиным. Подготовка и исполнение государственного, национального, регионального, отраслевого планов должны входить в систему оценки эффективности того или иного руководителя. В новом Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы акцент сделан на борьбу с коррупционными практиками в сфере государственного заказа и контрактной системы. Отдельная новелла посвящена

борьбе с коррупционными практиками в сфере деятельности Государственной Думы, Совета Федерации и депутатского корпуса в целом;

б) ввести в Уголовный кодекс РФ институт уголовной ответственности *юридических лиц*. Актуальность этой меры обусловлена тем, что денежные средства и финансовые инструменты, нажитые коррупционным путем, в подавляющем большинстве выводятся за рубеж именно через юридические лица. Для возврата активов, выведенных за рубеж, но принадлежащих государству, в пределах срока предварительного следствия необходимо тесное взаимодействие и эффективное сотрудничество с компетентными органами иностранных государств;

в) наделить следователя полномочиями запрашивать сведения, составляющие банковскую тайну, не только по уголовным делам, но и по материалам доследственных проверок, внося изменения в ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Актуальность этой новеллы вызвана активным стремлением проверяемых лиц уже на стадии проведения доследственной проверки совершать активные действия по сокрытию принадлежащего им имущества;

г) вернуть в Уголовный кодекс РФ статью о конфискации незаконно присвоенного. Без конфискации борьба с коррупцией не может быть эффективной. Сегодня существуют механизмы изъятия предметов и средств незаконного обогащения через гражданский процесс, однако это длится долго и затратно. В целях повышения профилактического эффекта уголовно-правовых мер по возмещению ущерба предлагается вернуть конфискацию имущества в перечень наказаний в ст. 44 УК РФ как дополнительный вид наказания с указанием возможности ее применения в санкциях конкретных статей Особенной части Уголовного кодекса РФ по преступлениям коррупционного характера. Среди мер уголовно-правового характера конфискация в судебной практике редко применяется судами.

3. Повысить степень вовлеченности граждан и общественных организаций в общественный контроль над государственными расходами на всех уровнях власти, включая местный. С этой целью ввести единую статистику коррупционных преступлений с использованием системы *блокчейн*. Сегодня различные ведомства (Верховный Суд, Генеральная прокуратура, Следственный комитет, ФСБ, МВД и т. д.) используют ведомственную статистику учета преступлений коррупционной направленности, что не позволяет создать целостную и объективную картину ареала распространенности коррупционных практик. Существенный недостаток современной статистики состоит в том, что в открытом доступе на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Счетной палаты РФ, Федеральной службы безопасности и других государственных структур по большей части публикуется информация, связанная с конкретными коррупционными делами, что существенно затрудняет восприятие ситуации в целом. Информация, полученная на основе конкретной статистики по коррупционным делам, является более достоверным знанием, чем данные, основанные на субъективных мнениях, полученных из средств массовой информации. Основываясь на верифицированном знании, необходимо формировать целостную картину коррупционных проявлений в России, а также производить экспертные оценки об эффективности системы противодействия коррупции. Таким образом, можно изменить благодушное отношение населения к коррупции и сформировать установку нулевой терпимости к ее проявлениям.

4. Необходимо осуществить систематизацию современного российского антикоррупционного законодательства. Анализ вопросов правового регулирования политики противодействия коррупции в Российской Федерации позволяет заметить, что современное российское антикоррупционное законодательство не обладает системным характером. Очевидно, что назрела систематизация современного российского антикоррупционного законодательства. По всей видимости, пришло время поставить вопрос о кодификации антикоррупционного законодательства, если не федерального, то на первом этапе — регионального. Кодификация регионального антикоррупционного законодательства необходима для обеспечения единства национальной политики противодействия коррупции на различных территориях.

5. При формировании системы антикоррупционного комплаенса важно учесть тенденцию падения роли этических норм в механизме противодействия коррупции среди государственных служащих. По мнению директора Центра изучения коррупции при Оксфордском университете Лизы Дэвид-Баррет, «Кодексы поведения» государственные служащих как антикоррупционный инструмент сегодня отнюдь не так эффективны, как представляется многим, и не подходят в качестве главной меры предотвращения коррупции в государственных органах. «Кодексы поведения» весьма эффективны в тех случаях, когда возникает необходимость восстановить репутацию ведомства после коррупционного скандала. Не менее примечателен вывод о том, что повышение заработной платы госслужащим как способ упреждающего противодействия коррупции далеко не так эффективно, как видится многим. Логика «чем больше платят, тем меньше хочется рисковать, боясь потерять место» уже не работает (Dimant, Redlin, Kriger, 2015: 480).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конвенция ООН против коррупции. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № А/RES/58/4 от 31 декабря 2003 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

³ Индекс восприятия коррупции — ежегодный показатель, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Он составляется на основании опросов экспертов и предпринимателей, проведенных независимыми организациями по всему миру, и выходит ежегодно с 1995 г. Страны мира ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, где 0 обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а 100 — самый низкий.

⁴ Конвенция ООН против коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Бастрыкин: Искоренить коррупцию можно, консолидировав усилия общества и государства [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/inter-view/808308> (дата обращения: 03.04.2022).

Бастрыкин назвал ущерб от коррупционных преступлений в 2021 году [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1261808/2021-12-09/bastrykin-nazval-ushcherb-ot-korruptcionnykh-prestuplenii-v-2021-godu> (дата обращения: 03.04.2022).

Без оглядки на статус [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.prof-kiosk.ru/853586> (дата обращения: 03.04.2022).

Выступление Алексея Кудрина на заседании Совета Федерации с отчетом о работе Счетной палаты в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-alekseya-kudrina-na-zasedanii-soveta-federatsii-s-otchetom-o-rabote-schetnoy-palaty-v-2021-godu?highlight-search-result=%D0%94%D0%95%D0%9B&highlight-search-result=%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%A0%D0%A3%D0%9F%D0%A6> (дата обращения: 03.04.2022).

Генеральный прокурор указал, что ущерб от коррупции в 2020 г. составил 58 млрд руб. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/11228045?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.04.2022).

Коррупция в высших эшелонах власти [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/07/korruptsiya-v-vyshshih-eselonah-vlasti/> (дата обращения: 03.04.2022).

Коррупция в России: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 03.04.2022).

ООН назвала ежегодный объем взяток в мире [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/12/2017/5a2cdb3a9a79470e6e4735fe> (дата обращения: 03.04.2022).

Роуз-Аккерман, С. (2003) Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О. А. Алякринского. М. : Логос. 356 с.

Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 03.04.2022).

Corruption Perception Index 2021 — CPI [Электронный ресурс] // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 03.04.2022).

Dimant, E., Redlin, M. Kriger, T. (2015) A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption // German Economic Review. № 16 (4). S. 464–489.

Helping Countries Combat Corruption: The Role of the World Bank [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <http://www1.worldbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/corrptn.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

Kar, S. (2015) Corruption and persistent informality: An empirical investigation for India // International Review of Economics & Finance. Vol. 27. P. 357–373.

Klitgaard, R., Maclean-Abaroa, R., Parris, L. (2000) Corrupt Cities. A practical guide to cure and prevention. California. 450 p.

Дата поступления: 05.04.2022 г.

*ANTI-CORRUPTION POLICY IN RUSSIA IN THE CONTEXT
OF NEW REALITIES: URGENT PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE*

R. T. MUKHAEV

PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS

The purpose of the article is to identify new trends in the mechanism of reproduction of traditional corruption practices, as well as the reasons for the emergence of new forms of corruption-oriented crimes for the formation of optimal anti-corruption models. For this purpose, the article considers universal and local factors that expand the area of corruption practices and turn corruption into the main threat to the sustainable development of society. The analysis of the concept of corruption, the state of the theory of corruption, and its problem complexes is given, an interdisciplinary matrix of analysis is proposed. The structure and area of corruption-related crimes in Russia are revealed, the mechanism of the reproduction of corruption practices is con-

sidered, as well as the reasons for the emergence of new corruption practices, recommendations for improving the effectiveness of anti-corruption policy are formulated. It is proved that the main factor in the mechanism of the reproduction of corruption in Russia is the ambivalence of consciousness as a form of perception of corruption, simultaneously combining rejection and moral justification. This requires interdisciplinary reflection of this phenomenon in science, and in practice — overcoming the complacent attitude of the population to corruption, forming a zero tolerance attitude towards its manifestations.

Keywords: corruption; corruption practices; democracy; sustainable development; corruption perception index; corruption risks; anti-corruption policy

REFERENCES

Aleksandr Bastrykin: Iskorenit' korrupciyu možhno, konsolidirovav usiliya obshchestva i gosudarstva [online] *Interfaks*. URL: <https://www.interfax.ru/interview/808308> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Bastrykin nazval ushcherb ot korrupcionnykh prestuplenij v 2021 godu [online] *Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/1261808/2021-12-09/bastrykin-nazval-ushcherb-ot-korrupcionnykh-prestuplenii-v-2021-godu> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Bez oglyadki na status [online] *Rossijskaya gazeta*. URL: <https://rg.profkiosk.ru/853586> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Vystuplenie Alekseya Kudrina na zasedanii Soveta Federatsii s otchetom o rabote Schetnoj palaty v 2021 godu [online] URL: <https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-alekseya-kudrina-na-zasedanii-soveta-federatsii-s-otchetom-o-rabote-schetnoy-palaty-v-20?highlight-search-result=%D0%94%D0%95%D0%9B&highlight-search-result=%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%A0%D0%A3%D0%9F%D0%A6> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

General'nyj prokuror ukazal, chto ushcherb ot korrupcii v 2020g. sostavil 58 mlrd.rub. [online] TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/11228045?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Korrupciya v vysshih eshelonah vlasti [online] *Levada-Centr*. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/07/korrupsiya-v-vysshih-eshelonah-vlasti/> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Korrupciya v Rossii: monitoring [online] *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupciya-v-rossii-monitoring> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

OON nazvala ezhegodnyj ob'em vzyatok v mire [online] *RBK*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/12/2017/5a2cdb3a9a79470e4e4735fe> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Rouz-Akkerman, S. (2003) *Korrupciya i gosudarstvo. Pribiny, sledstviya, reformy* / transl. from English by O. A. Alyakrinskiy. Moscow. Logos. 356 p. (In Russ.).

Eksperty ocenili srednij razmer otkatov pri goszakupkah [online] *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Corruption Perception Index 2021 — CPI [online] *Transparency International*. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (accessed: 03.04.2022). (In Russ.).

Dimant, E., Redlin, M., Kriger, T. (2015) A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption). *German Economic Review*, no. 16 (4), pp. 464–489.

Helping Countries Combat Corruption: The Role of the World Bank [online] *World Bank*. URL: <http://www1.worldbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/corruptn.pdf> (accessed: 03.04.2022).

Kar, S. (2015). Corruption and persistent informality: An empirical investigation for India. *International Review of Economics & Finance*, vol. 27, pp. 357–373.

Klitgaard, R., Maclean-Abaroa, R., Parris L. (2000) *Corrupt Cities. A practical guide to cure and prevention*. California. 450 p.

Мухаев Рашид Тазитдинович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер, д. 36. Тел.: 8-916-261-66-00. Эл. адрес: muhaev_r@mail.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation, 117997. Tel.: 8-916-261-66-00. E-mail: muhaev_r@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2022.2.16

Правовые лакуны журналистики в императивном измерении

П. Н. Киричѐк

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются правовые лакуны в повседневной деятельности современной российской журналистики, которая постепенно осваивает юридические, в дополнение к моральным, основы профессионального творческого поведения. Этот сложный процесс характеризуется наличием не только ростовых «точек», связывающихся с умножением позитивного креативно-деятельного ресурса отечественной журналистики, но и проблемных «узлов», выражающихся в частых конфликтах структур прессы с органами власти, общественными институтами, группами лиц и отдельными гражданами.

Правовые проблемы в триаде отношений «власть — пресса — народ» обычно возникают на почве юридической недостаточности установленных обществом и государством «правил игры» для субъектов публичной сферы, их длительной неизменности, а также слабой их освоенности производителями, распространителями, потребителями потоков массовой информации. В этой связи встает вопрос о частичной реконструкции текста Закона РФ «О средствах массовой информации» с внесением в него корректирующих поправок.

Ряд статей этого закона, с одной стороны, ограничивают информационно-коммуникационные возможности отечественной прессы в организации для граждан и чиновников широко развернутого управленческого дискурса; с другой стороны, они оставляют в состоянии двусмысленной неопределенности отдельные конкретно-практические вопросы журналистской деятельности в пределах ее свободы и ответственности.

Ключевые слова: общество; государство; журналистика; пресса; информация; право; закон; мораль; аудитория; фильтры; механизмы

ВВЕДЕНИЕ

К сегодняшнему дню отечественная журналистика обрела новый опыт профессиональной творческой деятельности, который складывался на диалектическом синтезе общественной морали и государственного права. Известно, что второго (юридического) основания до 1991 г., когда начался отсчет постсоветского периода истории страны, наша пресса для работы не имела. И по этой причине она